
ТИПОГРАФИЧЕСКОЕ
ВОЗНЕСЕНИЕ

ПЯТЬ ИЗДАНИЙ КЁЛЬНСКОГО ПАСТОРА.
ИНСТАЛЛЯЦИЯ НА ПЯТИ ЭТАЖАХ

9 ноября – 17 декабря 1994 года
Галерея Софии Унгерс, Кёльн

Типографическое вознесение
Typographic Ascension

Полёт Захарии
The Flight of Zechariah

Пасторская детская библиотека
The Pastor's Library for Children

Четыре ночи у короля
Four Nights with the King

Приложение ко второму тому «Мёртвых душ»
A Supplement to the Second Volume of Gogol's "Dead Souls"

TYPOGRAPHIC ASCENSION

FIVE EDITIONS BY THE PASTOR FROM COLOGNE.
AN INSTALLATION ON FIVE LEVELS

November 9th – December 17th, 1994
Galerie Sophie Ungers, Cologne

Сегменты черной колонны пронизывают пять этажей отреставрированного старого узкого дома на Шафенштрассе. Это изящная минималистическая скульптура, соединяющая пять частей «инсценировки» из текстов, фотографий и объектов, созданной Захаровым. Увенчанная настоящей лиственной кроной, она сама является частью поэмы. Она – древо жизни, мировое древо, притча о корнях зарождающихся мыслей, о необузданных разветвлениях фантазии и о носящихся в макушке древа мечтах. Богатство картин и лиц, реального и вымышленного, найденного и потерянного придает и форме, и содержанию пяти актов индивидуальный характер, и одновременно все это свободно прилаживается к «повествуемой» истории. Это история Пастора Зонда, но и, собственно, самого Вадима Захарова – типографа, иллюстратора, хрониста, новеллиста и художника. Рассказывается здесь и о появлении на свет книги: в папке (120 страниц текстов и иллюстраций) собрана документация ко всей выставке, одновременно эта папка является самостоятельным произведением искусства.

RENATE PUVOGEL

Vadim Zakharov in the Gallery Sophia Ungers, Cologne

Reaching from floor to ceiling, the segments of a black column extend through all five stories of the all-too-narrow, renovated old building in the Schaafenstrasse that houses the Galerie Sophie Ungers in Cologne. This minimalist sculpture provides the backbone for Zakharov's five-part dramatization of texts, photos, and objects. Finding its peak in a potted plant, it is part of the installation's poetry. It is the tree of life, the world tree, an allegory for the ideas germinating at its roots, the riotous fantasies in its boughs, and dreams floating off its crown. Each of the installation's five "acts" receives its form and its content from a wealth of images and faces, facts and inventions, lost and found, but at the same time, the entire piece comes together loosely as an overar-

выстроенное действие постижимо лишь частично. И не только потому, что происхождение и история 35-летнего свободного русского художника малодоступны для нашего понимания, но и потому, что сей род фантастического повествования – «препарирующего» и при этом причудливо гротескного – неизвестен нам.

Захаров, который в настоящее время живет с семьей в Кёльне, относится, как и Илья Кабаков, к кругу московских концептуалистов. Политическая злободневность подчиняется у Захарова вневременной поэзии по-иному, чем в размашистых инсталляциях его знаменитого коллеги. Литература и изобразительное искусство разнообразно переплетаются и в изданиях, и в детских книжках, и в фотографиях дискетов, и в орнаментальных рамках книги.

Экспозиция первого этажа является первым доказательством этого двойного корня. Во всяком случае, для ее постижения необходима информация, не связанная с искусством, – пожалуй, в этом единственный недостаток инсталляции. Фотография картины Репина 1909 года свидетельствует о тяжелых сомнениях, которые побудили Николая Гоголя сжечь второй том *Мёртвых душ*. На сфотографированных Захаровым в ванной комнате кёльнского дома пятнистых кафельных плитках перед зрителем возникают другие «мёртвые души»: частью реально зримые изображения существую-

ching narrative. This narrative tells the story of Pastor Zond, though also that of Vadim Zakharov himself, book designer, illustrator, chronicler, novelist, artist, all in one. In addition, the installation narrates the genesis of a book, a folio of 120 pages of images and texts, a publication that documents the entire exhibition, only to be released into the world at large as an independent entity.

The plot of the narrative (which does not follow any stringent structure) can only be understood in its rudiments, not only because the origins and history of the 35-year-old independent Russian artist are largely inaccessible, but also because we are not accustomed to this type of story-telling, which both dissects and embarks on whimsical fantastic flights of fancy. Like Ilya Kabakov, Zakharov – who now lives in Cologne with his family – is one of the Russian conceptualists. But unlike his famous colleague's expansive installations, Zakharov's work subordinates its critique of contemporary politics to timeless poetry. Literature and

visual art often intertwine, such as in the Pastor Zond Editions, in illustrated children's books, in photographed CDs, in ornamental book design. The exhibition on the ground floor supplies the first piece of evidence for the pairing of literature and art. The installation's only weakness, however, is that one needs extra-artistic information to understand it fully. The photograph of a painting by Repin from 1909 depicts Gogol's act of despair in burning the second part of his *Dead Souls*. In photos of marbled tiles, made in Zakharov's bathroom in Cologne, other "dead souls" come to life as visionary, partially tangible reflections of existent or artificially created figures, as a phantasmagoria of reality. A drawing by Michelangelo, perhaps the head of Jean Louis Barrault, or Archimboldo's curious physiognomies are all present, as is a wax-figure by Thomas Schütte. The first floor depicts the process of creating the book *Four Nights with the King, or the Making of the Handbill*.

щих или искусно созданных образов, фантасмагории действительности. Возможно, здесь имеется рисунок Микеланджело, курьезные физиономии Арчимбольдо, присутствует восковая фигура Томаса Шютте.

Второй этаж демонстрирует процесс производства книги: *Четыре ночи у короля, или Изготовление листовки*. На этот раз ночь становится источником вдохновения. Рабочий процесс не просто изображен, здесь представлены все его фазы: поиск букв, обработка текста, создание орнаментальных рамок и так далее вплоть до переплета. При этом обращения к прошлому и настоящему заключаются в новую мизансцену: постель под черной колонной, освещенная маленькой лампочкой, призывает творца работать за компьютером над текстами.

На третьем этаже сделана выразительная инсталляция о текстуальном концепте. Белое детское белье висит на натянутой веревке и не дает подойти к детскому уголку со столиком и стульчиками, где разложены сделанные детьми художника и его друзей книжки с картинками. Пеленки и фантазии будто очищают утопии художника.

Полёт Захарии на четвертом этаже возводит историю еще выше, в атмосферу фактического полета над австрийской усадьбой и замком Эйбесфельд, где проходила акция Захарова. Эйбесфельд и галерея скреплены фотографиями, пока-

зывающими участки земли, где зарыты дискеты с текстом *Книги пророка Захарии*. Как всегда, фрагменты прежних работ вкрапляются в нынешнюю ситуацию.

Наконец, пятый этаж представляет рабочий кабинет Пастора Зонда, его облачение, его письменный стол с изданием *Типографическое вознесение*, которое здесь, под кроной древа жизни, получает свое боевое крещение, в то же время типографическое пространство настоящей инсценировки приобретает особо возвышенную роль. *Artis*, 1995, февраль

Here, Zakharov invokes the night as a source of inspiration: from the invention of the initials via the editing of the text to the ornamental framing, he not only describes but also depicts the workflow that led to the book's final version. In doing so, he combines references to things past and present into a new production: a little bed at the foot of the black column conjures the creator, who invents the book's texts at his late-night computer. On the second floor, the installation's sensuality triumphs over its textual concept. White children's bedclothes are hung up on washing lines stretched across the room, blocking access to the ensemble of little children's chairs and tables, to the place at which one can look at four picture books made by Zakharov's own children and the children of his friends. Do these bedclothes and childhood fantasies clean the dirty laundry of artistic utopia? *The Flight of Zechariah* on the third floor carries the narrative higher and higher, onto the level of an actual flight over the country estate of

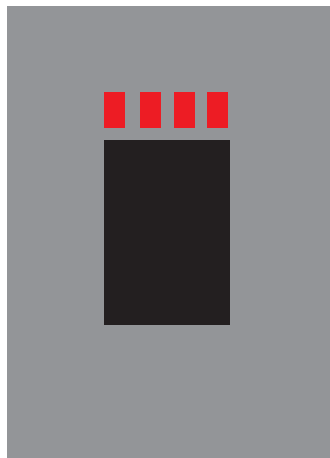
Castle Eybesfeld in Austria, where Zakharov participated in an exhibition. Eybesfeld and the gallery are linked through photos that depict pieces of grass with buried diskettes containing a full digital version of the corresponding biblical text, the Book of Zechariah. As always, details of earlier works compose a new situation.

Finally, the fourth floor presents Pastor Zond's workroom, his robes, and his desk with the edition *Typographic Ascension*. Under the crown of the Tree of Life, this folio is sanctified and blessed, heightening typography through its present setting-into-scene.

Artis, February 1995

Платформа 1
 Издание: *Приложение ко второму тому «Мёртвых душ»...*
 Stage 1
 Edition: *A Supplement to the Second Volume of Gogol's "Dead Souls"*

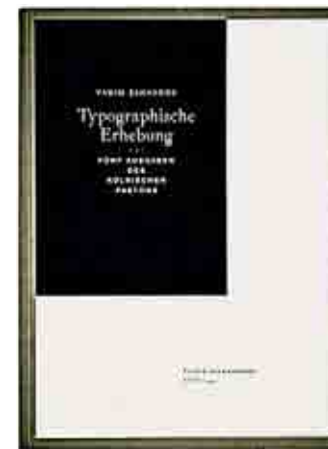
Платформа 2
 Издание: *Четыре ночи у короля*
 Stage 2
 Edition: *Four Nights with the King*

Платформа 3
 Издание: *Пасторская детская библиотека*
 Stage 3
 Edition: *The Pastor's Library for Children From the Children for the Pastor*

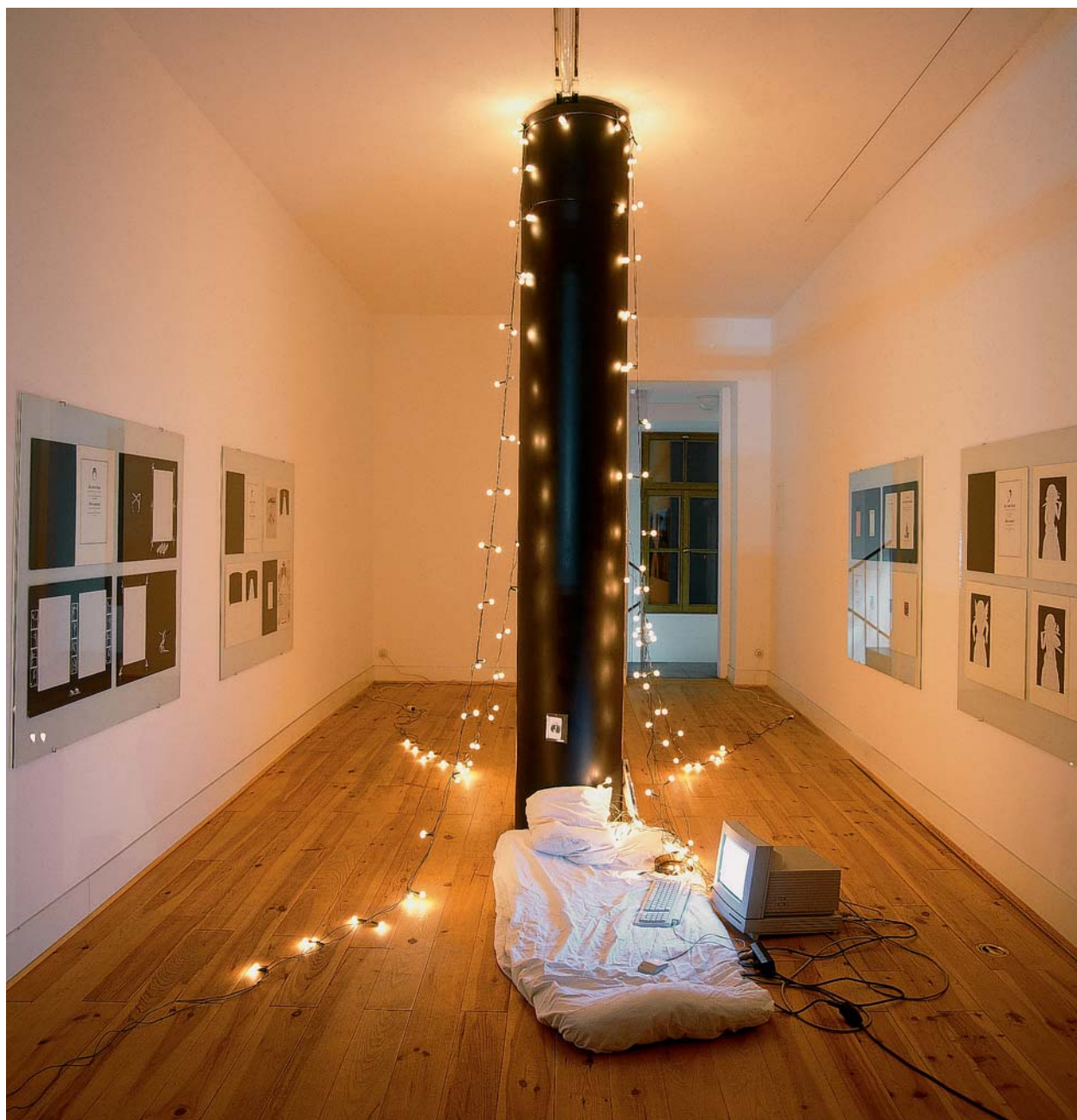
Платформа 4
 Издание: *Полёт Захарии*
 Stage 4
 Edition: *The Flight of Zechariah*

Платформа 5
 Издание: *Типографическое вознесение*
 Stage 5
 Edition: *Typographic Ascension*

Фрагмент инсталляции – первый этаж / Installation detail – first stage

Фрагмент инсталляции – второй этаж / Installation detail – second stage

Фрагмент инсталляции – третий этаж / Installation detail – third stage

Фрагмент инсталляции – четвертый этаж / Installation detail – fourth stage

Фрагмент инсталляции – пятый этаж / Installation detail – fifth stage